

Единственная альтернатива национал–экстремизму – построение правового государства

Алексей КУДРЯВЦЕВ, Институт востоковедения

Тема моего выступления, может быть, покажется несколько рутинной, потому что мы уже перешли к практическим делам и обобщенным оценкам национал–экстремизма, но я хотел бы опять вернуться к проблеме "Влияние комплекса северокавказских проблем на распространение национал–экстремизма в южных районах России". Хочу предупредить, что, работая в Институте востоковедения, я не являюсь специалистом по национал–экстремистским организациям, но, поскольку я занимался мониторингом чеченского кризиса, а также знаком с работами коллег этнографов–востоковедов по северокавказским проблемам, проблемам диаспор, я небольшое сообщение все–таки сделаю.

Национал–экстремистские организации в России не столько формируют общественное мнение, сколько сами отражают, правда, в структурированном, включенном в мировоззренческие конфликты виде, те общественные настроения, которые формируются достаточно стихийно и представляют собой болезненную реакцию части российского общества на вполне конкретные, реальные проблемы.

Питательной средой для роста национал–экстремизма в новой России является распространение этнических фобий. Если говорить о крайних формах формирующегося русского национализма, то они в преобладающей степени подпитываются сегодня широко распространенными антикавказскими настроениями. Как показывают социологические исследования, что подтвердил и Андрей Григорьевич Здравомыслов, в последние годы (с начала 90–х) неприязнь по отношению к кавказцам, или южанам заняла первое место в иерархии этнических неприязней среднего россиянина, потеснив тем самым традиционный бытовой антисемитизм. Здесь следует оговориться, что в национал–экстремистской мифологии, если мы говорим о русском национализме, кавказцам отводится в иерархии врагов "Русского государства" все–таки не первостепенная, а второстепенная роль. Им отводится функция исполнителей планов "жидомасонского заговора" по расчленению Российского государства, надругательству, издевательствам над Россией и т.д., и т.п. Но при всем этом в эмоциональном плане, в плане интенсивности нападок, кавказцы стоят, конечно, на первом месте в национал–экстремистской риторике. На первом месте они стоят и в перечне инициатив, направленных на преодоление национального кризиса в России.

География кавказофобии в России достаточно широка. Наиболее типичным регионом в этом плане является Юг России: Ставрополье, Краснодарский край, Ростовская и Астраханская области. Вместе с тем рост антикавказских настроений отмечен и в российской глубинке, в ряде европейских областей, в Сибири, в частности в Иркутске. Это характерно и для Москвы, и для Санкт–Петербурга. Можно с уверенностью сказать, что кавказофобия наблюдается в России повсюду, где существуют сколько–нибудь значительные кавказские диаспоры. Диапазон этих антикавказских проявлений тоже широк. Он колеблется от неприязни к "этим черным, которые понаехали сюда", до кавказских погромов на городских рынках, апелляции к местным властям с требованиями запретить въезд кавказцев в тот или иной город, ту или иную область, организации кампаний протеста против властей, которые якобы выступают в качестве пособников "кавказских бандитов", и т.д.

Специфической формой давления на кавказцев можно считать и такое заметное в Москве явление, как демонстративно выборочные проверки в метро милицией так называемых "граждан кавказской национальности". Кстати, сам факт, что этот неуклюжий термин, несмотря на все протесты и кавказцев, и демократической общественности, никак не исчезает из обихода наших правоохранительных органов, тоже о многом говорит.

По мнению авторитетных социологов, занимавшихся этой темой, базовая причина антикавказских настроений связана с миграцией выходцев с Кавказа в Россию, причем как из северокавказских субъектов Российской Федерации, так и из стран Закавказья. Кавказцы при этом выступают в роли торговых меньшинств (хотя я бы здесь употребил термин "бизнес–меньшинств") и предпринимательских, а не только торговых меньшинств, которые взаимодействуют с принимающим большинством в условиях неравномерной адаптации сторон к условиям рынка на фоне глубокого социально–экономического кризиса. В силу ряда социумно–культурных особенностей кавказцы лучше приспособились к рыночным реалиям, образовав сплоченные группировки. Они устремились в основном в сферу бизнеса, а бизнес в России известен какой – это бизнес либо полукриминальный, либо откровенно криминальный. Отсюда – стремительное распространение

собираетелного образа кавказца как бандита, мафиози. Заметим, впрочем, что в обыденном сознании среднего россиянина для того, чтобы прослыть бандитом и мафиози, совершенно не обязательно заниматься криминальным бизнесом. В принципе, на любого бизнесмена плохо смотрят, он воспринимается как бандит, паразит, грабитель и т.д.

Кроме того, отчуждению во взаимоотношениях между русским большинством и выходцами с Кавказа способствует то, что кавказские торговые меньшинства в отличие от еврейских и некоторых других относительно слабо укоренены. Они склонны менее считаться с устоявшимися нормами жизни. Кроме того, будучи слабо укоренены в российской провинции, например, они привносят с собой свои обычаи и традиции. Очень часто, будучи выходцами из сел, не принадлежа к городской культуре, они ориентированы на престижное потребление, показное богатство, на демонстрацию своей силы как в бизнесе, так и в повседневной жизни. Все это вызывает неприязненное отношение к кавказцам, отсюда и доминирование такой характеристики, как "наглость", в ответах большинства участников опросов на вопросы: "Почему Вы не любите кавказцев?" или "Какие качества кажутся Вам наиболее непривлекательными?". Наглость, жесткость, нахрапистость, напористость – таков стереотипный образ. Для среднего российского сознания характерна такая установка: они наглы, потому что богаты, а мы бедны, потому что богаты они.

Тезис о том, что кавказцы грабят Россию. С начала 90-х годов этот имидж прилип прочно, в частности, к чеченцам. Вспомним московскую историю с таксопарком, когда было раскрыто дело о нападении членов чеченской общины на один из московских таксопарков (это было связано с нелегальным таксистским водочным бизнесом). За этим последовало знаменитое, прогремевшее на всю страну дело о чеченских авизо. Вспомним, что вскоре после этого последовала чеченская революция 1991 года, одним из результатов которой стал утвердившийся в Чечне правовой беспредел, жертвой которого стало главным образом русское и русскоязычное население.

Переселенцы из Чечни в 1992–1993 годах превратились в один из главных катализаторов античеченских настроений в Ставропольском крае, на Юге России. Следует отметить, что в этот же период исход русских с Кавказа, принявший обвальнй характер в Чечне, наблюдался и в других национальных республиках региона, хотя и в меньшей степени. В определенной мере это было связано и с активизацией местных националистов, но в основном все-таки этот процесс был результатом стремительной криминализации местных социумов. Механизм был примерно тот же, что и в Чечне, – русское население становилось жертвой ослабления государства, правового беспредела и незащищенности родовыми законами и прочими патриархальными институтами, такими как институт кровной мести.

Одним из факторов, способствующих развитию антикавказских настроений (прежде всего на Юге России), явилось возникновение межэтнических конфликтов на Кавказе, жестокость которых способствовала созданию стереотипа образа кавказца-дикаря, чуждого российской цивилизации. Позволю себе привести цитату из довольно-таки экзотического журнала "Атака", печатного органа праворадикальной партии, который издавался под редакцией Сергея Жарикова. Статья была написана незадолго до чеченской войны, и вот что писал некто Андрей Архипов (в статье под названием "Россия – это мононациональное государство русских"): "Лозунг русского национального движения должен быть "Свобода народам Кавказа", ибо прежде чем строить Россию как мононациональное государство великороссов, следует отказаться от приобретений предшествующих эпох, в том числе и от периода самодержавия. Русские не должны участвовать в межплеменных конфликтах, служить живой изгородью между лихими джигитами с одной стороны ущелья и борцами за свободу своего аула с другой стороны ущелья. Русские виноваты в том, что втянули эти народы в свою цивилизацию, дали им почувствовать себя равными с русскими. Великороссы, не имея, как великая нация, клопиного инстинкта кучковаться и всех делить только по принципу "это свой, кровный", повсеместно оказались в плену шаек – выходцев с юга". Вот такой презрительный, оскорбительный тон.

Сильнейшим фактором, который действовал в этом направлении, выступила и чеченская война. Сбылось предсказание Отто Лациса о том, что война непременно будет способствовать усилению антикавказских и античеченских настроений, как только первые гробы с русскими солдатами, погибшими в Чечне, начнут прибывать из мест боевых действий. Ввод российских войск в Чечню, как мы помним, активно поддержали в декабре 1994 года именно национал-экстремисты: баркашовцы, лысенковцы. Следует отметить, что и большинство казачьих атаманов также поддержало ввод войск. Верно, что война в целом была мало популярна в России, даже вообще не популярна.

Но нельзя закрывать глаза и на то, что эта непопулярность была связана не столько с тем, что Россия напала на Чечню, сколько с тем, как эта война ведется. Возмущались тем, что эта война плохо ведется, что российской армии не удалось подавить чеченцев, что в те моменты, когда чеченские боевики были, казалось, загнаны в угол, были на грани поражения, вдруг объявлялось

перемирие, прекращение огня, а в конце концов войска и вовсе ушли оттуда. На мой взгляд, это было одной из главных причин непопулярности чеченской войны.

У меня нет данных о численности членов или сторонников РНЕ или других национал-экстремистских организаций, которые участвовали в войне в Чечне, но такие люди были. В частности, в Питере местное отделение РНЕ занималось вербовкой добровольцев, вело запись добровольцев, давало добровольцам и соответствующую идеологию, идеологию борьбы русских и русского государства против чеченцев – врагов нации, врагов государства, притеснителей местных русских. Эта идеология при всей своей несимпатичности выгодно выделялась в глазах многих на фоне полного идеологического вакуума, который царил в федеральных войсках, когда солдат не знал толком, за что он воюет, почему он воюет, почему он вообще здесь оказался. Выяснилось, что его просто обманули: говорили, что посылают, например, в Грузию, и вдруг он оказался в Чечне.

Результаты войны в Чечне способствовали росту национального экстремизма в не меньшей степени, чем сама война. Во-первых, сказывалось ощущение унижения, нанесенного России маленькой Чечней. Во-вторых, ощущалось предательство верховной власти по отношению к собственной армии. В-третьих, этому способствовал колоссальный рост преступности, характерный для первых послевоенных лет существования Ичкерии.

Серьезным катализатором античеченских настроений на локальном уровне Ставрополя стала возобновившаяся после войны практика набегов банд из Чечни через границу, в ходе которых уводятся скот, угоняются автомашины, захватываются заложники. Ни федеральные, ни местные власти не в состоянии справиться с этой проблемой. Не удивительно, что защитные функции берут на себя казаки или РНЕ, причем в последнее время РНЕ в этом смысле явно опережает в инициативности казачьих атаманов, действует гораздо более грамотно, старается не подставляться, старательно избегает пьяных драк или рыночных погромов, которые могут устроить казаки. РНЕ старается не светиться в таких акциях и действует пропагандой, активно внедряясь в местные властные структуры, о чем свидетельствуют предложенные вниманию участников круглого стола выдержки из сайта РНЕ в Интернете.

Опасность национал-экстремизма в том, что он спекулирует на реальных проблемах, заполняет идеологический вакуум и вакуум политической активности государства. В любом случае речь идет о сложной кавказской проблематике: социально-экономические последствия миграции, наличие этнических преступных группировок, комплекс проблем, связанных с Чечней и выработкой в отношении нее четкой политики. Не хотелось бы драматизировать ситуацию, но, думаю, единственной альтернативой этнических чисток, в данном случае чисток кавказцев, является решение кавказских проблем силами правового государства. Я при этом сознаю, что в самой этой фразе ставится сразу две задачи в стиле "лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным". С одной стороны, речь идет о решении целого комплекса сложнейших северокавказских проблем и кавказских проблем в целом, а с другой стороны – сложнейшая проблема построения правового государства, которую до сих пор не очень-то удается решить. Но альтернативой победе национал-экстремизма в России, по моему мнению, может быть только построение правового государства.

Правда, и на благополучном Западе есть нацизм, скинхеды и пр. В демократическом обществе, видимо, подобного рода группировки и организации не могут не существовать. И хотя здесь говорилось о том, что в европейских странах появился иммунитет против фашизма, потому что советская армия и союзники разгромили нацизм, я думаю, что сам факт существования неонацистских организаций в Европе (особенно наблюдается их подъем во Франции, Германии и других странах) свидетельствует как раз об обратном – иммунитета против нацизма нет. Другое дело, что в западном правовом государстве, в сильном государстве такого рода организации обречены занимать лишь определенную нишу, которая может расширяться, может сужаться, но все-таки это ниша. Им говорят: "Существуйте, но не нарушайте определенного закона. Вы можете маршировать по улицам, но не имеете права заниматься насилием. Если вы бьете окна в общежитии турецких гастарбайтеров, то извольте сесть в тюрьму". Там, по крайней мере, полиция не будет явно сочувствовать погромщикам. А у нас милиция говорит нашим доморощенным скинхедам: "Хотите долбить черных, долбите, но только не на нашем участке и по-тихому". А то еще хуже говорят: "Хотите делать свое дело, приходите к нам в милицию. Будете делать то же самое, только легально и еще зарплату получать". В этом принципиальная разница. Вот почему я говорю, что правовое государство необходимо.

Есть опасность, на мой взгляд, что нацизм у нас не захватит власть, а прорастет через гнилую ткань наших государственных структур и постепенно подменит ее жесткими и эффективными структурами национальной диктатуры.